

Источники и литература

1. Бранденбергер, Д. Кризис сталинского агитпропа: Пропаганда, политпросвещение и террор в СССР, 1927–1941 / Д. Бранденбергер. – М. : Политическая энциклопедия, 2017. – 367 с.
2. Гудков, Л. Негативная идентичность. Статьи 1997–2002 годов / Л. Гудков. – М. : НЛЮ, 2004. – 807 с.
3. Brooks, J. Official Xenophobia and Popular Cosmopolitanism in Early Soviet Russia / J. Brooks // American Historical Review. – 1992. – Vol. 97. – №5. P. 1432–1448.
4. Государственный архив общественных объединений Могилёвской области (далее – ГАООМГО). – Ф. 6601. Оп. 1. Д. 148.
5. ГАООМГО. – Ф. 6601. Оп. 1. Д. 331.
6. ГАООМГО. – Ф. 6601. Оп. 1. Д. 232.
7. Голубев, А. В. «Если мир обрушится на нашу Республику»: Советское общество и внешняя угроза в 1920–1940-е гг. / А. В. Голубев. – М. : Кучково поле, 2008. – 381 с.
8. ГАООМГО. – Ф. 6577. Оп. 1. Д. 20.
9. ГАООМГО. – Ф. 6577. Оп. 1. Д. 410.
10. Albert, G. «Comrade Speaker!» Zapiski as Means of Political Communication and Source for Popular Moods in the 1920s / G. Albert // The NEP Era: Soviet Russia 1921–1928. – 2015. – Vol. 8. – P. 43–54.
11. ГАООМГО. – Ф. 6577. Оп. 1. Д. 147.
12. Брянцев, М. В. Английская Всеобщая стачка 1926 г. в оценке населения советской России / М. В. Брянцев // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2016. – № 2 (38). – С. 72–82.
13. ГАООМГО. – Ф. 6577. Оп. 1. Д. 350.
14. ГАООМГО. – Ф. 6577. Оп. 1. Д. 513.
15. ГАООМГО. – Ф. 6577. Оп. 1. Д. 695.

УДК 94(476)«1920/1921»

С. А. Елизаров

Гомельский государственный технический
университет имени П. О. Сухого

БЕЛОРУССКО-РОССИЙСКАЯ ГРАНИЦА 1920–1921 ГОДОВ: ПОЗИЦИИ И ПЛАНЫ СТОРОН

Рассмотрены позиции руководства ССРБ и РСФСР по вопросу межгосударственных границ в условиях завершения польско-советской войны, переговоров о мире и заключении Рижского мирного договора. Отмечается, что в 1920–1921 гг. белорусское советское руководство пришло к пониманию невозможности быстрого прямого решения вопроса о возвращении восточно-белорусских земель в состав ССРБ, но при этом предприняло попытку разработку иного варианта изменения белорусско-российской границы.

Проблема изменения границ Белорусской ССР уже имеет значительную историографию [1–4]. Она присутствует и в исследованиях белорусских исследователей, посвященных различным аспектам истории международных отношений, в том числе польско-советской войны 1919–1920 гг. и Рижского мирного договора [5–8]. В представленном материале автор попытался рассмотреть отношение советского белорусского и российского партийно-государственного руководства к вопросу определения белорусско-российской границы и возвращения восточнобелорусских земель в состав ССРБ в период проведения и завершения мирных переговоров в Риге (1920–1921 гг.)

12 октября 1920 г. в Риге был подписан договор о перемирии и прелиминарных условиях мира между Польшей, РСФСР и ССРУ. Стороны обязывались признать независимость Советской Белоруссии, но подвергли ее разделу. К Польше отходили (по революционному административно-территориальному делению) из состав ССРБ Брест-Литовский, Волковысский, Слонимский, Новогрудский, Дисненский, Вилейский (за исключением его части к юго-востоку от линии Илия-Радошковичи), Пинский, Сокольский, Кобринский, Пружанский уезды, западная часть Минского (к западу от линии Раков-Колосов), западная часть Слуцкого (к западу от линии Ромаци-Семешово), западная часть Борисовского (район Докшицы, Ивановщина) и западная часть Мозырского (к западу от рек Лан и Ствича) уездов [9, л.143]. В свою очередь, в состав ССРБ включались из Виленской губернии Радошковичская, Хотеничская и Крайская волости со своими волостными центрами. В ССРБ оставались 6 неполных уездов быв. Минской губернии.

В условиях прекращения боевых действий и начала мирных переговоров в белорусском советском руководстве появляются надежды на расширение территории ССРБ. С целью выяснения позиции по этом вопрос в российском руководстве в Москву в начале ноября 1920 г. прибыл секретарь ЦБ КП(б)Б В. Г. Кнорин. Несколько раз он беседовал с секретарем ЦК РКП(б) Крестинским Н. Н., посетил все отделы ЦК РКП(б). Н. Н. Крестинский на вопрос о расширении границ ССРБ ответил однозначным отказом: «Нет смысла и не может быть речи о присоединении к Белоруссии территорий, сросшихся с РСФСР». Объяснение этому Н. Н. Крестинским было дано довольно простое, но вполне понятное – «у нас не мир, а перемирие». В. Г. Кнорин этим ответом не был удовлетворен и «потребовал... официального ответа от Политбюро или ЦК», однако, считая отрицательный ответ «предрешенным», дожидаться его не стал. На заседании ЦБ КП(б)Б 8 ноября 1920 г. доклад «приняли к сведению» [10, л. 27].

Подобную негативную позицию по вопросу о расширении территории ССРБ в условия советско-польских переговоров о мире занимал и Наркомат иностранных дел РСФСР, считавший «нежелательным присоединение к территории Белоруссии каких бы то ни было частей Витебской или Могилевской губерний. Мы еще не знаем, через какие перипетии может пройти судьба Белоруссии, и увеличивать загодя ту территорию, которая через эти перипетии будет проходить, было бы крайне неосторожно» [11, с. 205].

Столь же категорически против возвращения белорусских земель в состав ССРБ выступил и Реввоенсовет Западного фронта: «Результат переговоров в Риге и вообще прекращение боевых действий на Западном фронте теперь еще трудно предопределить... Может сложится положение, при котором, установив восточные границы Белоруссии, мы может утратить в результате даже не боевых действий, а только мирных переговоров губернии Витебскую и Могилевскую» [11, с. 211].

Позиция и аргументы Москвы, а также обострение ситуации в Советской Белоруссии в связи с начавшимся 6 ноября 1920 г. наступлением отрядов С. Н. Булак-Балаховича (10 ноября захватившими Мозырь) привели к корректировке взглядов на проблему укрупнения ССРБ, в том числе и у одного из наиболее активных ее сторонника, председателя белорусского Военно-революционного комитета А. Г. Червякова. На заседании ЦБ КП(б)Б 11 ноября 1920 г. А. Г. Червяков, не отказываясь от идеи расширения территории Советской Белоруссии на восток, признал необходимым на время эту проблему отложить: «Ставя этот вопрос раньше, я думал, что я прав. Теперь меня кое-что навело на другие размышления. Необходимо более подробно узнать место, экономические условия края и т. д. Среди населения замечается, правда, неясно тенденции к независимости Белоруссии. Население не терпит поляков, но и особенной любви не чувствует к коммунистам... Но сейчас по-моему в вопросе территории нужно воздержаться. Население местностей, могущих быть присоединенными к Белоруссии, привыкло к РСФСР, присоединением к Белоруссии население этих местностей будет препятствовать строительству Советской власти. Кроме того, расширенная самостоятельная Республика Белоруссии разыграет аппетит у Балаховичей» [12, л.29–30].

Иную позицию в ЦБ озвучил И. А. Адамович (нарком по военным делам ССРБ). Он также видел негативные моменты вхождения восточнобелорусских земель в состав ССРБ («мы встретили бы большую оппозицию со стороны местных партийных организаций и кроме того это было бы приманкой для Балаховича»). Видно, что наступление отрядов С. Н. Булак-Балаховича вызывало крайнюю степень озабоченности у советского белорусского руководства. И. А. Адамович связывал расширение территории ССРБ в первую очередь за счет захваченных Польшей белорусских земель: «... никоим образом не нужно думать о присоединении новых мест к Белоруссии. Необходимо бить на единую Белоруссию в смысле присоединения оккупированных областей к Белоруссии. Со стороны хозяйственной ясно, что Минская и, положим, Смоленская губ. ничего общего не имеют между собой» [12, л. 30]. Вероятно, у него были определенные ожидания позитивных для ССРБ результатов российско-польских мирных переговоров

В итоге было принято компромиссное решение: «ЦБ считает необходимым существование Советской Республики Белоруссии в ее настоящих границах. Вопрос о расширении территории Белоруссии считать несвоевременным» [12, л. 30].

После этого в Москве состоялось совещание «по белорусскому вопросу», на котором присутствовали секретари ЦК РКП(б) Н. Н. Крестинский, Е. А. Преображенский и другие руководители Советской России, а с белорусской стороны – секретарь ЦБ КП(б)Б В. Г. Кнорин и председатель Белревкома А. Г. Червяков. Совещание поддержало резолюцию ЦБ КП(б)Б от 11 ноября. Вместе с тем, выступая по итогам поездки в Москву, А. Г. Червяков подчеркнул, что «существует мнение, что при изменении ситуации вопрос должен быть пересмотрен» [12, л. 33].

На время проблема расширения территории отошла на второй план. Однако вскоре этот вопрос вновь обрел актуальность. А. Л. Бурбис (зам. наркома земледелия ССРБ и один из организаторов БСГ) направил письмо, датированное 14 января 1921 г., В. И. Ленину. В этом письме с подписью «По полномочию группы ответственных белорусских коммунистов» прежняя советская политика по белорусскому вопросу определялась как «враждебная всему белорусскому». Но центральным была идея расширения территории Советской Беларуси за счет включения в ее состав Витебской, Гомельской губерний в полном составе, а также уездов бывшей Могилевской губернии, включенных в состав Смоленской губернии, «а из Смоленской губ. безусловно уезды Краснинский и Поречский» [13, л. 15].

Следом за этим письмом последовало известное «Заявление тридцати двух» от 1 февраля 1921 г. В этом документе, наряду с обвинениями в антибелорусском характере прежней политики Советской власти (во многих случаях почти дословно повторяющих текст А.Л. Бурбиса), вновь повторяется аналогичное предложение о расширении территории ССРБ на восток [14, л.4–5]. «Бунт» был быстро подавлен. На заседании ЦБ КП(б)Б 15 февраля 1921 г. это заявление было осуждено. Резкая оценка этого документа В. Г. Кнориным («Постановка – непартийная... Считаю, что скорее это провокация не коммунистических рук») была смягчена выступлениями А. С. Славинского («Декларация плохо и неправильно составлена, но ничего контр-революционного в ней нет») и А. Г. Червякова («Полагаю, что злого умысла здесь нет, есть только необдуманное отношение»). В итоге было принято решение: «ЦБ, ознакомившись с содержанием декларации группы “белорусских коммунистов”, признает ее невыдержанной и необдуманной в коммунистическом духе» [15, л.19].

Тем не менее В. Кнорин отдал распоряжение о немедленном проведении на квартирах подписавших заявление обысков и в случае необходимости проведения и арестов. Некоторые были арестованы, но вскоре их освободили [2, с. 479].

В контексте проблемы укрупнения территории ССРБ в 1921 г. интерес представляет следующая выдержка из доклада СНК БССР на III сессии ЦИК СССР в 1927 г.: «І зараз-жа пасяля Рыжскае мірнае ўмовы, па ініцыятыве ўраду РСФСР, Урад Савецкай Беларусі атрымаў прапанову ўзбуйніць Савецкую Беларусь за лік усіх тых тэрыторый, дзе населеныя ў сваёй большасці беларускае». Однако, как отмечалось в докладе,

в связи с крайней степенью экономической разрухи в республике и тяжестью борьбы с антисоветскими вооруженными формированиями «Савецкі Беларускі Ўрад сам прымушаны быў адмовіцца ад прапанаванага нам ўзбуйнення» [16, с. 79].

Каких-либо подтверждений этим словам автору найти не удалось. Вполне вероятно, что в той или иной форме (возможно и в устной) оно могло быть сделано в период переговоров в Риге в качестве своеобразной «компенсации» за отказ руководства ССРБ от участия в этих переговорах как самостоятельного субъекта и передачу части белорусских земель в состав Польши.

В то же время на практике партийно-советское руководство ССРБ вовсе не отказалось от планов изменения белорусско-русской границы. Сразу же после подписания Рижского мирного договора Минск начинает предпринимать меры по возвращению восточнобелорусских земель. Связано это с разработанным в Минске вариантом образования Западной экономической области как первого шага по расширению территории республики.

С 1919 г. руководство Советской России не страивало существовавшее административно-территориальное деление, которое не учитывало экономические изменения, проходившие в стране в связи с развитием капитализма в промышленности, крупнейшим в мире железнодорожным строительством, повышением товарности и углублением специализации сельского хозяйства. Новое территориальное устройство должно было базироваться на системе объективно существовавших экономических районах. Началом практической реализации этой идеи стал план ГОЭЛРО (1920 г.), который представлял собой попытку составления перспективного хозяйственного плана на основе принципов энергетического районирования, в дальнейшем сыгравших решающую роль в дальнейших работах по экономическому районированию.

В соответствии с планом первоначально выделялось 8 экономических районов. После заключения Рижского договора (март 1921 г.), завершения военных действий и определения советско-польской границы московским руководством было признана целесообразность образования особого экономического района – Западной области – из ССРБ, Смоленской, Витебской и Гомельской губерний. 11 июня 1921 г. на заседании Центрального Бюро (ЦБ) Компартии Белоруссии обсуждалось сообщение Председателя ЦИК и СНК ССРБ А. Г. Червякова «Об областном экономическом совещании» [17, л. 72–73]. А. Г. Червяков сообщил о прошедшем совещании по вопросу образования экономического района, на котором присутствовали представители ССРБ, Смоленской, Витебской и Гомельской губерний.

На заседании ЦБ КПБ 11 июня 1921 г. против образования особого экономического района возражений не было [17, л. 72–73]. А осенью 1921 г. по решению ЦБ КП(б)Б Совнархоз ССРБ подготовил докладную записку в Совет Труда и Оборона (СТО) РСФСР (впоследствии в доработанном виде она была опубликована в сентябре 1921 г. в «Известиях ЦБ КПБ» под названием «Экономическое объединение губерний, входивших ранее в состав Западной области») [18, л. 15–22]. Воспользовавшись тем, что СТО оставило за ССРБ свободу действий вплоть до существования в качестве отдельной экономической области, в записке был предложен свой, белорусский вариант – создать Западную область как «одну хозяйственно-экономическую область с центром в Минске» в составе ССРБ, Витебской и Гомельской области, а также Мстиславского, Красненского и Поречского уездов Смоленской губернии.

Анализ этого документа свидетельствует, что он был составлен на основе методики экономического районирования, разработанной и применявшейся Комиссией по районированию Наркомзема РСФСР. По этой методике основными экономическими признаками крупных районов (областей) служили: климат; почва; распределение земель по угодьям; плотность населения; процент промыслового населения; количество десятин посева на одно хозяйство и на 100 душ; средства восстановления естественного плодородия почвы; пропорция культур; рабочее животноводство; интенсивное животноводство; экстенсивное животноводство.

Заметно, что в белорусском проекте Западной области 1921 г. отсутствовали ссылки на этнический фактор. Вероятно, это было связано с противоречиями в руководстве ССРБ относительно «белорусского вопроса», необходимостью учета экономической детерминированности мышления значительной части московского руководства, а также противоречивостью результатов переписей населения 1897 и 1920 гг. относительно национального состава Гомельской, Витебской и Смоленской губерний. Однако можно твердо утверждать, что целью национал-коммунистической части белорусских руководителей было политическое объединение как можно больше этнических белорусских территорий в границах Советской Белоруссии. Видный белорусский политический деятель того периода, ученый-историк В. М. Игнатовский в 1924 г. оценил эти усилия таким образом: «Постановка ЦБ КП(б)Б вопроса об образовании Западной области, сконцентрированной вокруг столицы Белоруссии Минска, имела важное значение не только с экономической, но и политической стороны. Это были первые шаги по пути образования расширенной Белоруссии, что вызывалось реальными условиями жизни как экономической, так и политической» [19, с. 234].

Источники и литература

1. Борисёнок, Ю. А. На крутых поворотах белорусской истории: Общество и государство между Польшей и Россией в первой половине XX века / Ю. А. Борисёнок. – Москва : ООО «Родина МЕДИА», 2013. – 304 с.
2. Круталевич, В. А. История Беларуси: становление национальной державности (1917–1922) / В. А. Круталевич. – 2-е изд. доп. – Минск : ИООО «Право и экономика», 2003. – 592 с.
3. Ладысеў, У. Ф. Паміж Усходам і Захадам: Станаўленне дзяржаўнасці і тэрытарыяльнай цэласці Беларусі (1917–1939 гг.) / У. Ф. Ладысеў, П. І. Брыгадзін. – Мінск : БДУ, 2003. – 307 с.
4. Хомич, С. Н. Территория и государственные границы Беларуси в XX веке: от незавершенной этнической самоидентификации и внешнеполитического произвола к современному status quo / С. Н. Хомич. – Минск : Экономпресс, 2011. – 415 с.
5. Рыжскі мірны дагавор 1921 г. у лёсах народаў Усходняй і Цэнтральнай Еўропы : матэрыялы міжнар. навук. канф., Мінск, 26 сак. 2021 г. / Беларус. дзярж. ун-т ; рэдкал.: А. Г. Каханоўскі (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : БДУ, 2022. – 225 с.
6. Мязга, М. М. Пытанне граніц Беларусі ва ўмовах польска-савецкай вайны 1919–1920 гг. // Известия Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины. – 2020. – № 4 (121). – С. 50–55.
7. Мязга, М. М. Праблематыка польска-савецкай вайны 1919–1920 гг. і Рыжскага мірнага дагавора ў адлюстраванні пратаколаў пасяджэнняў Палітбюро ЦК РКП(б) // Журнал Белорусского государственного университета. История. – 2021. – № 2. – С. 7–16.
8. Стрелец, М. В. Порезали по живому: к 100-летию Рижского мирного договора 1921 года: некоторые аспекты современного осмысления / М. В. Стрелец // Беларуская думка. – 2021. – № 4. – С. 82–88.
9. Национальный архив Республики Беларусь (далее – НАРБ). – Ф. 101. Оп. 1. Д. 1420.
10. НАРБ. – Ф. 4п. Оп. 1. Д. 10.
11. Платонаў, Р. Так вырашаўся лёс Беларусі / Р. Платонаў, М. Сташкевіч // Маладосць – 1993. – № 5. – С. 199–214.
12. НАРБ. – Ф. 4п. Оп. 1. Д. 109.
13. НАРБ. – Ф. 4п. Оп. 1. Д. 252.
14. НАРБ. – Ф. 4п. Оп. 1. Д. 251.
15. НАРБ. – Ф. 4п. Оп. 1. Д. 243.
16. Доклад Ураду БССР на III сэсіі ЦВК СССР. – Мінск : Беларускае дзяржаўнае выдавецтва, 1927. – 123 с.

17. НАРБ. – Ф. 4п. Оп. 1. Д. 425.
18. НАРБ. – Ф. 31. Оп. 1. Д. 23а.
19. Беларусь. Нарысы гісторыі, эканомікі, культуры і рэвалюцыйнага руху /пад агул. рэд. А. Шашэўскага, З. Жылуновіча і У. Ігнатоўскага. – Мінск : Выд. ЦВК БССР, 1924. – 322 с.

УДК 94(476.2+476.5):342.9:351.9“1922”

Е. П. Шрамук
Витебский государственный
университет имени П. М. Машерова

ИЗМЕНЕНИЯ ЗАДАЧ РАБОЧЕ-КРЕСТЬЯНСКОЙ ИНСПЕКЦИИ ЗАПАДНОЙ ОБЛАСТИ РСФСР В 1922 ГОДУ

В работе прослеживаются изменения и дополнения задач Народного комиссариата Рабоче-крестьянской инспекции (НК РКИ) Западной области в 1922 году. Основные задачи инспекции были изменены в связи с новой экономической политикой и восстановительным периодом. Изменения носили как системный характер, так и ситуативный. Задачи РКИ приобрели более обобщенный и комплексный характер, охватывая ключевые аспекты государственного и хозяйственного управления.

Народный комиссариат Рабоче-крестьянской инспекции (далее – НК РКИ, РКИ) на территории Беларуси существовал с 1920 г., преобразованный из Государственного контроля. Основой его деятельности было проведение ревизий и контроль исполнения распоряжений правительства. Работа инспекции неоднократно корректировалась. В 1922 г. в связи с новой экономической политикой и голодом в ряде губерний задачи РКИ неоднократно дополнялись и стали основой для крупнейшей реорганизации 1923 г. Так как заявленный период становления РКИ на территории Советской Беларуси ранее подробно не рассматривался, освещение данного вопроса является актуальным. В работе прослеживаются изменения в задачах НК РКИ Западной области в 1922 г.

В начале 1922 г. основными задачами РКИ были: наблюдение за исполнением всех декретов и постановлений советского правительства, надзор за распоряжением госимуществом и финансовыми операциями, борьба с бюрократизмом и волокитой, выработка мер по упрощению делопроизводства, работа с трудящимися. Основой работы по-прежнему оставался финансовый контроль [1]. Но восстановительный период после гражданской войны и новая экономическая политика обусловили неоднократное дополнение списка задач комиссариата.

Согласно ленинскому плану, работа РКИ должна была стать одной из функций центрального аппарата управления, поэтому важное значение придавалось моральным качествам работников РКИ. Так, в приказе по НК РКИ № 6 от 10 января 1922 г. всем инспекциям предлагалось вести строгий учет должностных преступлений и упущений с предоставлением ежемесячного отчета о них [2, л. 7].

К зиме 1922 г. хищение грузов для голодающих, как писалось в приказе НК РКИ, приобрело «эпидемический характер». В связи с этим 13 января 1922 г. Приказом № 8 по НК РКИ на всех фактических инспекторов и контролеров ж/д РКИ возлагалась задача наблюдения за проведением в жизнь всех распоряжений центральной власти по продвижению голодрузов. Работа инспекторов заключалась в: а) проверке действительности охраны вагонов проводниками, особенно в ночное время, б) проверке знания проводниками правил охраны и сопровождения вагонов и в инструктаже их при необходимости, в) проверке своевременности доставки грузов, наличия задержек, присутствия пломб,